

Л. В. КОЛЕСНИКОВА

**СТАТИВЫ В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

В статье дан анализ критериев выделения стативов (предикативов) как самостоятельной части речи, определяется специфика их значения и место в когнитивно-дискурсивной парадигме русского языка.

Ключевые слова: критерии выделения частей речи, предикативы, стативы, бессубъектность, оценочность, прототипическая организация языковых значений, амбивалентные слова, когнитивно-дискурсивная парадигма.

Широкий круг проблем, освещаемых в трудах Ю. А. Карпенко, включает и такие теоретические вопросы морфологии, как формирование частей речи, изложенные в известной статье «Ще раз про критеріи виділення частин мови» [4]. Эту тему мы попытаемся продолжить в рамках предлагаемой статьи как дань самого глубокого уважения и знак искренней благодарности большому учёному за многолетнее сотрудничество, поддержку и неоценимую помощь в формировании лингвистической научной среды Измаильского государственного гуманитарного университета.

Исходя, вслед за Е. С. Кубряковой, из определения языка как когнитивной деятельности, осуществляемой во время построения дискурса, учитывая один из основных постулатов её когнитивной теории частей речи, ориентированной не только на изучение их семантики и грамматических характеристик, но и на вопрос о том, на обозначение каких фрагментов мира они направлены и какие онтологические сущности можно поставить им в соответствие [5: 142], мы предлагаем в настоящей работе проанализировать одну из конфликтных зон в системе частей речи — категорию стативов (Плунгян), предикативов (Исаченко, Шанский, Тихонов и др.), категорию состояния (Щерба, Виноградов), неизменяемых предикатов (Панов), безлично-предикативных слов (Абакумов), бессубъектных прилагательных (Мигирин), аналитических глаголов («Українська мова». Енциклопедія).

Как видим, уже сам перечень терминов свидетельствует не только о конфликтности данной зоны, но и отражает поиски критериев её выделения, стремление выявить более тонкие дистрикции в лингвистическом метаязыке.

В русистике до сих пор отсутствует адекватная классификация данного лингвистического материала: меняется объём этой спорной части речи от интегративных тенденций (Щерба, Виноградов) до разграничительных (Золотова); расширяется круг свойственных этим словам морфологических признаков (от отрицания у них морфологической парадигматики до установления синтагматической парадигматики), её синтаксический диапазон также увеличился за счёт включения её в структуру двусоставного предложения с подлежащим, выраженным инфинитивом; анализ семантики привёл к общепринятому сейчас делению корпуса этих слов на три блока: 1) с общим значением разнообразного состояния, 2) с модальным и 3) оценочным значением.

Следует отметить, что до сих пор в круг спорных проблем «самостоятельности» частей речи вовлечены не только стативы, но и сравнительно устоявшиеся знаменательные слова: имена существительные [8: 164], прилагательные [9: 244], числительные, местоимения [4], причастия и деепричастия (Арбатский, Шанский, Тихонов и др.), деевербативы [13: 267].

Как видим, подход к проблеме частей речи в рамках канонической, традиционной грамматики, хотя и выдержал экзамен временем, тем не менее не может быть признан достаточным. Причина противоречивого представления одних и тех же морфологических явлений кроется, по мнению Т. В. Булыгиной, в конфликтных показателях различных уровней.

В лингвистической литературе предлагается несколько решений такой конфликтности. Среди них самым простым и наиболее распространённым следует признать констатацию омонимии внешне не различающихся словоформ, которую чаще всего и обнаруживают в стативах. К более сложному выходу из сложившейся ситуации можно отнести концепцию, связанную с понятием «нейтрализации» форм, чётко представленную в позиционной морфологии М. В. Панова [8: 228].

Критики выделения слов категории состояния в обособленный разряд отмечают, что лексемы этой группы не характеризуются общим значением и их семантическая «пестрота» и неоднородность препятствует их объединению, забывая, впрочем, о том, что одно грамматическое значение может иметь несколько семантических интерпретаций, как, например, никого не смущает столь разнообразная семантика имён, резко отличающая естественные имена от различных номинализаций, но не приводящая к разрушению самого имени как части речи. Было

бы лучше, однако, если бы удалось после установления множественности значений всё-таки показать, на чём основывается представление об общности их семантики. Мы усматриваем его в оценочности, свойственной всем лексическим группам стативов.

Значение состояния, как считает большинство исследователей, в русском языке не является грамматическим (нелексическим) на том основании, что оно несопоставимо с категориальными значениями других традиционных частей речи, что оно свойственно и другим частям речи, в конечном счёте, оно не отражает особого способа концептуализации действительности.

В самом деле, ещё акад. В. В. Виноградов находил полный семантический параллелизм категории состояния в безличных глаголах, а проф. В. Н. Мигирин усматривал его и среди имён прилагательных, выделив в их парадигме особый лексико-грамматический разряд бессубъектных прилагательных [6: 150]. Мы полагаем, что диапазон стативной семантики шире: она проявляется и у большой группы личных глаголов. Так, в перечне 10 семантических групп статических глаголов Е. В. Падучевой [7: 136—138] мы обнаруживаем полные семантические эквиваленты стативам, например: модальные состояния (*нуждаться* — *нужно*, *надлежать* — *надо*); интенциональные состояния (*хотеть* — *охота*); состояния наблюдения (*виднеться* — *видно*, *зеленеть* — *зелено*); временные физические состояния (*болеть* — *больно*, *пустовать* — *пусто*); устойчивые физические состояния (*голодать* — *голодно*); эмоциональные состояния и отношения (*веселиться* — *весело*, *возмущаться* — *возмутительно*, *грустить* — *грустно*, *радоваться* — *радостно*, *торжествовать* — *торжественно*, *ужасаться* — *ужасно*; *сожалеть* — *жалко*, *стыдиться* — *стыдно*); ментальные состояния (*интересоваться* — *интересно* и под.).

Следовательно, стативы как грамматический класс слов не диагностируются семантически, т. е. в них грамматическая классификация лексики не задаётся семантикой ('состояние' есть и среди других частей речи).

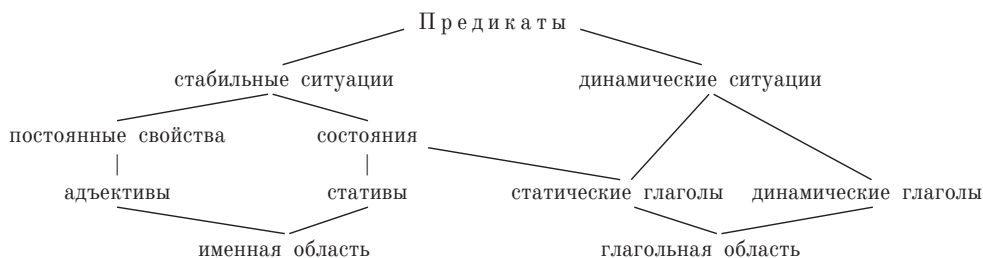
Морфологически стативы также не выделяемы: они совпадают по форме с краткими прилагательными, существительными, наречиями, краткими страдательными причастиями и др. Для русистики при разбиении слов по частям речи всё-таки традиционна морфологически ориентированная концепция [9: 249], в соответствии с которой главным свойством грамматического значения признаётся обязательность. Её определяют весьма просто, если она выражается некоторым аффиксом в составе словоформы. Сложнее грамматическая обязательность выявляется в случаях с неморфологическими грамматическими показателями. Тогда поиски обязательного значения переносятся на неустойчивую платформу сочетания лексем или даже предложения в целом (как в случае со стативами). Принадлежность к той или иной части речи у таких форм определяется только в структуре предложения, т. е. в русском языке такие слова признаются амбивалентными.

К тому же, в теоретической морфологии не утратило значимости устоявшееся положение, высказанное А. И. Смирницким, о том, что не может быть части речи, грамматические категории которой представлены лишь аналитическими формами, и, соответственно, стативы, обладающие только аналитическими формами времени, вида и др., не имеющими параллелей в синтетических, не могут претендовать на этот статус.

Функционально стативы — предикаты, так же, как и краткие прилагательные и глаголы. Для установления функциональных особенностей стативов воспользуемся семантико-грамматической шкалой предикативности, предложенной В. А. Плунгяном для глаголов [9: 247], продолжив её именной областью.

Закрепив за обобщённым названием семантики предикативов термин «ситуация», исследователь отмечает, что предикаты образуют континуум, конституирующим свойством которого является признак статичности/динамичности. Различие между ними заключается в том, что в статическом состоянии не требуется притока энергии для его поддержания, поэтому семантика субъекта состояния, так же, как и носителя предикативного свойства, ограничена пациентом или экспериенцером.

Представим предикативный континуум в схематическом виде:

Эта схема даёт возможность, на наш взгляд, определить специфику предикативной семантики стативов.

Постоянные свойства (стативные признаки предмета) выражены адъективами с определённым диапазоном значения: как было показано ещё Р. Диксоном, предикаты со значением цвета, размера, формы, **общей оценки** реализуются прежде всего в адъективном виде [9: 245]. Состояния занимают пограничную область между постоянными свойствами и динамическими ситуациями, а грамматически представлены стативами и статическими глаголами, таким образом, статив ещё раз оказывается в промежуточной зоне между адъективами и глаголами. Переход стативного признака предмета в статив нам представляется возможным объяснить, проведя аналогию с явлением пассивизации, которая, как покажем ниже, носит прагматический характер и реализуется в дискурсе.

В лингвистической литературе синтаксическая специализация этих слов тесно связывается с их семантикой, т.к. дискурсивный подход к значению предполагает, что семантическое содержание слова формируется под влиянием его роли в сообщении, ср.: «Общность синтаксической функции... обусловила образование в указанных словах общего значения состояния» [11:482]. Поэтому вполне объяснимой была замена в функциональной лингвистике термина «категория состояния» на «предикатив». Таким образом, получилось, что это единственная из относимых к знаменательным группа слов, в дефиниции которой не просто описывается семантика (состояние) и правила её употребления (в роли сказуемого односоставного предложения): она номинируется на основе этих правил. Попытаемся выяснить, есть ли здесь противоречие и почему именно эта группа слов по своей семантике выдвинута на роль предикатов в односоставных предложениях, уже занятую глаголами в однотипных структурах, ср.: *Светло — Светает, Грустно — Грустится.*

В теории номинации является аксиоматичным выделение номинативных единиц двух разрядов — предметных и признаковых слов. Значение первых слов в современной семантике называется идентифицирующим, значение вторых — предикативным. «Суть предиката, — пишет Н. Д. Арутюнова, — состоит в **обозначении и оценке** (выделено нами. — Л. К.) **статических** свойств и динамических проявлений действительности...» [1:172].

Оценочность, аксиологичность, которую отдельные исследователи выявляют среди стативов как их категориальное значение, принадлежит, по нашему мнению, с одной стороны, лексическому значению прилагательных как единиц номинации с признаковой семантикой, а с другой — усиливается в предикации. По мнению Т. А. Вендиной, «познавательное и ценностное как бы сливаются в акте номинации» [3:12]. Л. О. Чернейко вообще считает, что «эмоционально-оценочная классификация явлений действительности предшествует в онтогенезе всем другим классификациям» [12: 454].

Стативы в позиции предикатов относятся к разряду с характеризующим значением (по классификации ЛЭС), т. е. описывают стабильную ситуацию, дают ей оценку. Поэтому у них в указанной синтаксической позиции, по сравнению с прототипическими частями речи, актуализируются субъективно-оценочные элементы, они «висят на предикате», выражаясь словами А. Вежбицкой [2: 244]. Для нас, кроме всего, в данном случае важно то, что субъектом оценки ситуации всегда выступает говорящий. Оценочность, таким образом, входит в исходный замысел говорящего, который намеревался в своём сообщении дать именно оценку ситуации (статической или динамической — всё равно, ср.: *Ребёнку весело — Ребёнок весел — Ребёнок веселится*). Предикатные слова выражают то, что мы «думаем о мире», они ориентированы на познающего субъекта, т. е. а priori антропоцентричны, выступают, по словам У. Вейнрейха, в качестве «прагматических операторов». Следовательно, для определения специфики семантики стативов необходимо выйти на наш взгляд, в коммуникацию, прагматику и когнитивистику.

Нельзя не признать, что именно проф. В. Н. Мигирин при выяснении причин появления и исследовании процесса становления этого класса слов в своей отображательной грамматике максимально приблизился к возможной современной трактовке его с позиций вышеуказанных лингвистических парадигм знаний. Анализируя языковую картину мира, он считал, что «качество, как и процесс, может мыслиться независимо от предмета» [6: 150] и становление бес-субъектности, как ему казалось, шло по пути синтаксической трансформации двусоставных конструкций с полнозначным субъектом через формализацию субъекта к его регулярному эллипсису в односоставных безличных предложениях: 1) *Поле зелено — 2) Всё в поле зелено — 3) Весной в поле зелено* [6: 157]. Причину же процесса пассивизации (точнее имперсонализации, десубъектации) признака, который здесь можно отметить, в современной лингвистике усматривают не в синтаксической трансформации и не в особенностях языкового видения мира, а связывают, в первую очередь, с интенциями говорящего, его оценочным представлением одной и той же ситуации.

Признавая, что в языке как когнитивном процессе не бывает или практически не бывает семантически пустых категорий, В. А. Плунгян, Ю. Д. Апресян и др. видят в семантике, правда, связанной с залогом, особую природу: выбор одной из залоговых форм отображает не столько изменения реального мира, сколько изменение в отношении того, как говорящий хочет представить ситуацию и её участников. Одна и та же ситуация даётся в разной прагматической

інтерпретації. Выбор той или иной залоговой структуры определяется выбором участника ситуации, помещаемого в фокус внимания самим говорящим. Происходит коммуникативный, прагматический сдвиг, изменение места семантического акцента. Сказанное о залогах по аналогии можно применить и к стативам. Когда речь идет о фразах типа 1. *Поле зелено*, то в фокусе внимания говорящего находится характеризующий субъект ситуации; в случае 2. *Всё в поле зелено* — происходит обобщение и формализация характеризующего субъекта ситуации; в случае 3. *В поле зелено* — делается акцент на оценке самой окружающей говорящего ситуации с понижением ранга субъекта до сирконстанта с возможным его устранением в высказываниях типа *Зелено*, *Скучно* и др.

Пользуясь изложенным в когнитивной грамматике способом описания семантического представления на основе понятий «профиля» и «базы» [10: 291], можно предложить ещё одну трактовку значения стативов. Так, считают, что в своём восприятии концептов человек оперирует не отдельными семантическими признаками, а цельными образами, имеющими свои контуры. База даёт общее представление о концепте, профиль же выделяет в семантике слова ту грань, которая релевантна для говорящего. Таким образом, возможность выбора профиля в содержании высказывания и проявляется в выборе предиката в той или иной синтаксической структуре. В первом случае говорящий использует статический признак, выраженный кратким прилагательным либо кратким страдательным причастием, во втором — речь идёт об особых словах — стативах. На наш взгляд, и у прилагательных, и у стативов тождественная синтаксическая функция — предиката.

Всеми сейчас признаётся, что круг слов, специализированных на выражении предиката, расширился в современном русском языке за счёт кратких прилагательных и стативов. У кратких прилагательных это привело даже к морфологизации их форм, к утрате ими главного, объединяющего все имена показателя — склоняемости, но тем не менее не вывело краткие прилагательные за пределы исконной части речи. Однако сейчас в литературе обсуждается возможность размежевать краткие и полные формы прилагательных, распространив на них понятие атрибутивной и предикативной репрезентации, предложенное ещё А. И. Смирницким, правда, у него в отношении к личным и атрибутивным формам глагола [9: 244]. Предикативный признак, названный кратким прилагательным в двусоставной структуре, и предикативный признак, названный стативом в односоставном предложении, различаются не специальным семантическим компонентом, который признают применительно к стативу даже категориальным, а дискурсивным семантическим акцентом. «Человек может сфокусировать внимание на разных деталях происходящего, на какой-либо одной грани ситуации. Описываемый референт остаётся, собственно, одним и тем же, но ракурс его рассмотрения изменён, причём он часто связывается с дискурсивными целями» [5: 400]. Смещение, перестановка акцента приводит к изменению структуры предложения, а не к появлению новой части речи. Перед нами изменение валентности предиката — десубъектация признака, приводящая к изменению синтаксической конструкции в целом, без изменения категориальной, частеречной принадлежности слова в позиции предиката. Следовательно, эта «категориальность», возникающая у предиката в бессубъектных синтаксических структурах, является хотя и грамматической, но синтаксической, а не морфологической, и вызвана она прагматическими факторами.

Подобно тому, как допускается функционирование личных глаголов то лично, то безлично, без изменения их лексического значения, и соответственно противопоставление личности/безличности конструкций предполагает определённый тип построения предложения, вне которого глагольная форма не может быть определена как личная или безличная, так и стативы можно признавать не утратившими связи с прототипическими частями речи амбивалентными словами, которые свободно реализуют свою актантную структуру в субъектных или бессубъектных синтаксических конструкциях в зависимости от интенций говорящего.

Когнитологам принадлежит заслуга в установлении того, что человек воспринимает любую семантическую категорию как «имеющую центр и периферию, и, следовательно, имеющую более прототипических и менее прототипических представителей» [10: 286]. Действительно, это проявляется уже при порождении речи, где выделяют два основных процесса — акты номинации и предикации, которые базируются на двух группах слов — имени и глаголе. Таким образом, в языке на морфологическом уровне существует центр частей речи (с чёткой системой соответствий на синтаксическом уровне) и грамматическая периферия. Положение о центре и грамматической периферии опирается во многом на явления диахронии: как известно, части речи представляют собой результат длительной эволюции языковых элементов, образовавших со временем определённую конфигурацию. Именно по поводу периферийных и до сих пор складывающихся частей речи и продолжается полемика в морфологии. Кроме того, прототипическая организация языковых значений удовлетворяет требованиям когнитивной психологии, состоящим в том, что для эффективной когнитивной деятельности необходимо, с одной стороны, сохранять постоянный способ организации системы категорий (в нашем случае — ядро в традиционной системе частей речи), а с другой стороны, система должна быть достаточно

гнбкой, чтобы иметь возможность приспосабливаться к изменениям (наличие в системе частей речи грамматической периферии) [10: 288].

Естественно, в анализируемом классе слов, находящемся на периферии морфологической системы, не всё так однозначно и просто. Многие в выяснении сущности стативов требует ещё дальнейшего осмысления. Так, в частности, остается открытым вопрос, почему пассивизация процесса имеет подкрепление на грамматическом уровне (оформлена морфологически постфиксом *—ся*) и синтаксически представлена конструкциями актива и пассива, а бессубъектность признака в определённых морфологических параметрах не задана, не дифференцируется и подкреплена в русском языке только на синтаксическом уровне особыми структурами. Объяснение этому, по всей видимости, можно найти, если согласиться с гипотезой Гивона о том, что развитие естественных языков происходит в направлении «формализации» прагматических противопоставлений средствами синтаксических механизмов и дальнейшей морфологизацией синтаксических категорий, после чего цикл «прагматика — синтаксис — морфология» может повториться [9: 233]. И следовательно, вполне вероятно наше заключение, что стативы в этом цикле дошли пока до второй, синтаксической, фазы, не оформившись ещё средствами морфологии.

Несмотря на то, что классификация частей речи предполагает использование многих параметров, а не только синтаксического, недооценивать роль говорящего, «прагматический эффект» в структуре языковой семантики и не выделять стативы, хотя бы в качестве амбивалентных слов на периферии морфологии, вряд ли правомерно. Тем более, что наличие в системе прототипических частей речи непрототипического явления — статива — связано с естественной когнитивной категоризацией и направлено на «решение разнообразных когнитивных и дискурсивных задач, возникающих в ситуации нормального общения людей с помощью языка» [5: 231].

Предложенную точку зрения, конечно, можно подвергать сомнению, но она, на наш взгляд, весьма убедительна, имеет объяснительную силу и находится в русле современных тенденций морфологии, в которых постоянно подчёркивается расплывчатый, недискретный характер её ключевых понятий (к каким относятся части речи) и обилие переходных случаев.

1. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова. — М., 1980.
2. Вежицкая А. Дескрипция или цитация? / А. Вежицкая // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1982. — Вып. 13.
3. Вендина Т. А. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. А. Вендина. — М., 1998.
4. Карпенко Ю. О. Ще раз про критеріи виділення частин мови / Ю. О. Карпенко // Мовознавство. — 2001. — № 3. — С. 76—80.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. — М., 2004.
6. Мигирин В. Н. Категория состояния или бессубъектные прилагательные? / В. Н. Мигирин // Исследования по современному русскому языку. — М., 1970.
7. Падучева Е. В. Семантические исследования / Е. В. Падучева. — М., 1996.
8. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка / М. В. Панов. — М., 1999.
9. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учеб. пособие / В. А. Плунгян. — М., 2000.
10. Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты / Е. В. Рахилина // Семантика и информатика. — М., 1998. — Вып. 36.
11. Українська мова: Енциклопедія / Редкол.: В. М. Русанівський, О. О. Тараненко та ін. — К., 2000.
12. Чернейко Л. О. Гипертекст как лингвистическая модель художественного текста / Л. О. Чернейко // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Международной конференции. — М., 1999.
13. Шарандин А. Л. К вопросу о языковом статусе девербатива / А. Л. Шарандин // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сборник в честь Е. С. Кубряковой. — М., 2009.

L. V. Kolesnykova

STATIVES IN THE COGNITIVE-DISOURSE PARADIGM OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The article deals with the criteria of singling out statives (predicatives) as a separate part of speech. The specific character of their meaning and their place is determined on the basis of the cognitive-discourse paradigm of the Russian language.

Key words: the criteria of singling out the part of speech, predicatives, statives, impersonality, valuation, prototypical formation of the language meanings, ambivalent words, cognitive-discourse paradigm.

Л. В. Колесникова

СТАТИВИ В КОГНІТИВНО-ДИСКУРСИВНІЙ ПАРАДИГМІ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ

У статті аналізуються критерії виокремлення стативів (предикатів) як самостійної частини мови, з'ясовується специфіка їх значення та місце в когнітивно-дискурсивній парадигмі російської мови.

Ключові слова: критерії виокремлення частини мови, предикативи, стативи, безсуб'єктність, оцінність, прототипічна організація мовних значень, амбивалентні слова, когнітивно-дискурсивна парадигма.